

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ
международный
кино
фестиваль
17.06 – 26.06.2010

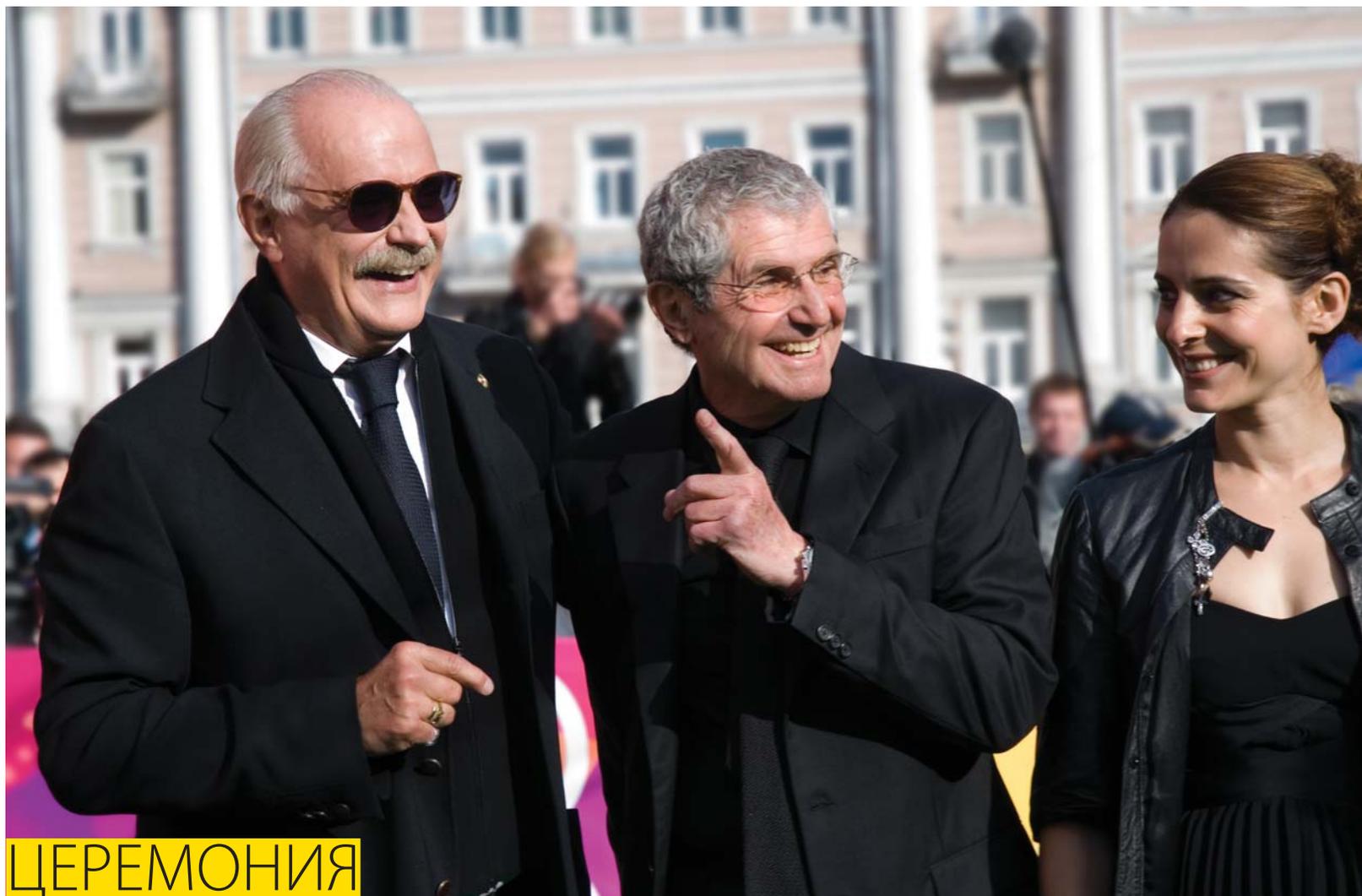
#1
(73)

ЕВГЕНИЙ АФИНЕЕВСКИЙ
Мои фильмы не несут
такого пагубного влияния,
как фильмы Тарантино
EVGENY AFINEEVSKY
My films don't bring
such deleterious influence
as Tanantino's movies do

НЕСЛИ ЧОЛПЕЧЕН
Я пытался рассказать
историю человека, который
хочет рассчитаться со своей
совестью
EVGENY AFINEEVSKY
I wanted to tell story of a man
who wants to settle accounts
with his own conscience

ЦЕРЕМОНИЯ

В этом году зеленая дорожка «Пушкинского» оказалась длинной как никогда. Практически равной посадочной полосе аэропорта Шереметьево. Дело в том, что самолет, на котором летел Председатель жюри, приземлился всего за час до начала церемонии. Но долететь от Парижа до Москвы, как известно, гораздо проще, чем добраться из Шереметьево до Тверской. И пока гости, приготовившие все свои лучшие наряды для главного кинопраздника года, поднимались по «пушкинской» лестнице и обнимались с Президентом фестива-

ля, Председатель жюри пробивался сквозь пробки по Ленинградке, чтобы позжать руку Никиты Сергеевича и успеть к началу праздника. В Пушкинском его уже поджидали старые друзья: мужчина Клод Лелуш, его съемочная группа и любящие женщины. Президент не уходил со своего поста номер один, несмотря на многочисленные предупреждения диктора о том, что остается всего несколько минут до начала. И все-таки они встретились, почти не нарушив регламента. Уже в кинозале Лелушу была вручена первая награда Московского

кинофестиваля - «За выдающийся вклад в киноискусство». Для этого на сцену был специально приглашен министр культуры Александр Авдеев. Фестиваль открылся новейшим творением режиссера, в котором он ностальгически вспоминает о своем кинематографическом прошлом. Название фильма красноречиво: «Женщина и мужчины». В кулуарах мэтр признался журналистам нашей газеты: «Я могу сказать, что в моей жизни были две основных страсти – кино и женщины. Женщины питали кино, и наоборот. Ведь камера любит

женские лица больше, чем мужские». Сотни операторов, снимавших церемонию открытия, наверняка нашли подтверждение словам Мастера, поскольку только и делали, что наводили объективы своих камер на очаровательных участниц церемонии – Ренату Литвинову, Марию Миронову, Оксану Фандеру, Ольгу Будину, Инну Макарову, Инну Макарову, Каролину Грушку, Викторию Толстоганову, Одри Дана, Ирину Мирошниченко, Ксению Коршунову... Словом, случилось все, что хотел найти в Москве Лелуш - и кино, и женщины!

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНЫ
CES AMOURS-LÀ

стр. 3

КОУЛ
COLE

стр. 4

ВЫБРОШЕННЫЙ НА БЕРЕГ МОРЯ
BROUGHT BY THE SEA

стр. 5

КЛОД ШАБРОЛЬ. 8 ИЗ 71
CLAUDE CHABROL. 8 FROM 71

стр. 6

ПОСТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ
BEDWAYS

стр. 7

Жюри/ Люк Бессон

ПРОФЕССИОНАЛ

Photo: Luc Roux © 2006 EUROPA CORP

Президент жюри ММКФ Люк Бессон – один из важнейших европейских продюсеров нескольких последних десятилетий: он – фигура, как минимум, двойственная, без которой современный кинематограф был бы иным. То романтик, то – уверенный бизнесмен, Бессон впитал инфантилизм и одновременно прагматизм новой эры, став живым их воплощением. Между прочим, он – также человек, наградивший в Канне «Танцующую в темноте» и «Любовное настроение», а также выдавший специальный приз за лучший актерский ансамбль «Свадьбе» Павла Лунгина (председателя жюри прошлого ММКФ). Краткий, но насыщенный экскурс в режиссерскую фильмографию Бессона на нынешнем фестивале – лучший способ напомнить о том, «как закалялась сталь», а нырятьщик, увлеченный длинноногими девушками, постепенно превращался во всемогущего руководителя EuropaCorp.

В «Жанне д'Арк» Бессон – гигантоман, идеалист, не гнушающийся китча, пламенный революционер коммерческого кино, рискнувший возвести на очистительный костер свою музу Миллу Йовович. Момент исторического знакомства режиссера и актрисы – фильм, пропитанный детским азартом, переголливудивший Голливуд «Пятый элемент»: Брюс Уиллис летает на такси, Гэри Олдман стреляет с обеих рук, полуобнаженная красотка-инопланетянка спасает все вселенные сразу под оперную арию, аранжированную в кислотном стиле. Кто-то обвинял режиссера в безвкусице, но гораздо больше было тех, кто восхищался невиданным постановочным блеском

фильма, который некогда открывал Каннский кинофестиваль. Если отмотать еще чуть назад кинобиографию режиссера, мы увидим незабвенного «Леона» – криминальный романс о дуэте Лолиты и чувствительного киллера. В нем Бессон запустил карьеру тринадцатилетней Натали Портман и в последний раз поработал со своим любимым артистом Жаном Рено, подарив тому самую яркую роль в его биографии. Напоминанием же о том, с чего начинался их творческий союз, служит показ их общего дебюта, умопомрачительной малобюджетной фантастики «Последняя битва».

Точнее говоря, сначала была короткометражка «Предпоследний», где впервые собрались вместе Бессон, Рено и соавтор сценария фильма, а также исполнитель главной роли Пьер Жюливе. Может, поэтому, несмотря на хулиганский настрой молодых экспериментаторов, «Последняя битва» вышла настолько зрелой и самобытной работой, что в ней трудно угадать дебют. Постапокалиптический пейзаж позволяет увидеть мир как грандиозную свалку. В этих декорациях неразговорчивые (а то и вовсе немые) мужчины ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. За пространство, за еду, за женщину. Жюливе сыграл протагониста, обозначенного в титрах как Человек, Рено – первого в своей жизни злодея по прозвищу Грубиян. Здесь Бессон проявляет себя романтиком и в результате добивается того, что и тогда, и сейчас доступно единицам: снимает кино так, будто фильмов до него не было, как в благословенную довоенную пору.

Антон Долин

LUC BESSON

Chairman of Main Competition Jury

The president of the MIFF Jury Luc Besson is one of the most important European producers of the past decade and an outstanding director of the previous decade. He is at least an ambivalent personality, without whom modern cinema would have been different. At times he is a romanticist, almost a child, and then a prudent businessman. Besson has imbued the infantilism and the pragmatism of modern era, becoming their living embodiment. Incidentally he is the one who bestowed awards in Cannes to «Dancing in the Dark» and «In the Mood for Love» and gave the special prize for the best acting ensemble to «Wedding» by Pavel Lungin (who was chairman of the Jury at the previous MIFF). A brief but rich excursion into the director's filmography at the present festival is the best way to remind us how the steel was tempered and how a handsome diver,

attracted to long-legged girls, became a powerful leader of EuropaCorp.

In «The Messenger: The Story of Joan of Arc» Besson goes to the extremes, behaves like an idealist who would not shun kitsch, like an ardent revolutionary of commercial cinema who risked elevating to the cleansing fire his muse Milla Jovovich. The historic encounter of the director and the actress happened during «The Fifth Element», a movie saturated with childish excitement and more Hollywoodien than Hollywood itself: Bruce Willis drives a flying taxi, Gary Oldman shoots from both arms, the half-naked alien beauty saves the Universe to the accompaniment an opera aria arranged in the acid style. Someone accused the director of the lack of taste, but many more admired the unprecedented brilliance of the production, which unveiled the Cannes film Festival. If we dive deeper into the history of his film biography, we'll find a criminal romance about Lolita and a sensitive killer in «Leon». There Besson launched the career of the 13-year-old Natalie Portman and for the last time shot his favorite actor Jean Reno, presenting him with the most striking role in his biography. But

Reno too had to start somewhere, just like Besson. A reminder of this moment is the screening of their joint debut, the staggering low-budget movie «The Last Battle».

To be more exact, it was preceded by the short «L'avant dernier», where Besson, Reno and the co-author of the script and leading actor Pierre Jolivet got acquainted with each other. Perhaps that is the reason why «The Last Battle», despite the ruffian mood of the young experimenters, was such a mature and original work that it is hard to guess it was a debut. The post-apocalyptic landscape represents the world as an enormous garbage dump. In these settings mostly silent (or sometimes totally dumb) men carry out their life-and-death struggle. They fight for space, for food, for women. Jolivet played the protagonist called Man, Reno – his first villain called «Foul-Mouthed». Besson is still a romanticist, making inspiredly-naïve cinema instead of calculatedly-stupid. He achieved what very few managed to do either in the 80s or nowadays, namely he made a movie as though no film had been shot before him, like in the blessed pre-war years.

Антон Долин

CES AMOURS LÀ

Opening Film Dir. Claude Lelouch

In Paris occupied by Germans lives young and beautiful Ilva who is in love with good French guy. But when the guy disappears Ilva falls for a handsome German officer, and when the German army will be leaving Paris, the heroine will have to admit the end of her inconvenient love with a stranger. But then the Allies army will come down from the sky to France, and among them two good American lads – Bob and Jim. Ilva will be waiting for Bob to come back from the front to get married, but instead Jim will return. Ilva will marry him and seem to be finally happy, until her past will come to her and affect her happy present which will turn out to be a tragedy. And the only one person who can help Ilva is now a lawyer, who is at the same time jazzman who was playing on his Steinway in the beginning of the story.

From the moment when Claude Lelouch's film "A Man and a Woman" was made it became more than just words, but a whole subgenre, based on mythological roots – telling stories not about some man and some woman, but Man and Woman. And at some point even directors using completely different artistic devices started to tell their stories in that very way, disclosing a myth with all of its basic concepts. And all of this time Lelouch himself remained true to himself making the heroes of his films live their love stories like it is the last love story in the world. When the director made "Les misérables" it became clear that by telling a story he tends not to show a character on the back of history or to tell of history in the context of some character's life – he tends to equalize character and history. So beautiful ginger-haired Ilva is the history herself – history of the 20th century, history of France, history of cinema. The look at the war – with Jean Gabin and Clark Gable on screen, sounding not with ruffles, but with music – it is a look of a woman, who awaits for a new love to come in her life.

It is now pretty obvious that cinema itself is like Ilva – a feather-pated girl who often tends to fall in love with wrong men. But it seems like Lelouch knows very well that volatility is not really a wickedness in love. Years ago he called one of his movies "A Man and a Woman: 20 Years Later", although knowing that twenty or even hundred years later Man and Woman are staying the same. And the most important thing in case of cinema is to understand what ginger-haired Ilva came to realized in her life – you have to find "le courage d'aimer", courage to love. However, Claude Lelouch has already made a film with such title.

ЗА НАШИХ ЛЮБИМЫХ

Фильм открытия Женщина и мужчины (Ces amours là) /Реж. Клод Лелуш

В оккупированном нацистами Париже с экранов кинотеатров сурово улыбается Жан Габен, а юная и красивая Ильва в кокетливом вязаном беретике доживает последние счастливые дни своей первой любви с хорошим французским юношей. Потом юноша сгинет, а Ильва, всем на порицание, закрутит роман со статным немецким офицером, и когда немецкая армия будет уходить из Парижа, станет оплакивать свою неудобную любовь к чужаку. Но затем Габена на экране сменит Кларк Гейбл, с неба на парашютах спустятся войска союзников, и среди них хорошие американские парни – Боб и Джим. Она будет ждать с войны Боба, а вернется Джим. Ильва выйдет за него замуж, но прежние любви рикошетом догонят ее нынешнее счастье, обернувшееся вдруг трагедией, и помочь ей сможет лишь адвокат-джазист, еще во времена борьбы Жана Габена с Кларком Гейблом задавший тон истории игрой на стареньком «стейнвее».

С момента, когда фильм, принесший режиссеру Клоду Лелушу известность, вышел на экраны, словосочетание «мужчина и женщина», которым он был озаглавлен, из банального союза двух слов, трансформировалось в отдельный поджанр, в котором из-под сюжетного канона недвусмысленно проступает мифологическая

первооснова – где пресловутые «М» и «Ж» пишутся и произносятся не просто так, а ультимативными заглавными. И наступил момент: даже пост-и просто модернисты бросились срывать с кинематографа жанровые оковы, обнажая миф со всеми его базовыми понятиями. И в этом «море молодых, которое колышат супер басы» Лелуш оставался верен себе, каждый раз заставляя своих героев проживать на экране историю любви как последнюю на земле. Где-то на «Отверженных» стало совсем очевидно, что стыдливые киноведческие клише, обычно применимые в таких случаях – «личность на фоне истории», «история через призму личности» – явно отжили свое, что стоит уже признать: между отдельно взятой личностью и историей стоит знак равенства. Прекрасная рыжеволосая Ильва – не «личность на фоне», она и есть сама история – история XX века, история Франции, история кинематографа. Война, почти целиком уместившаяся между Габеном и Гейблом, война, звучащая не ружейными залпами а аккордеоном и ровным стрекотом старенького «Зингера» – так могла увидеть Вторую мировую только женщина, томящаяся в ожидании новой любви.

Пример модернистов с пост-модернистами лучше прочих доказывает, что кинематограф – как рыжеволосая Ильва, ве-

треная девушка, слишком часто влюблявшаяся не в тех мужчин. Но Лелуш, как никто другой, знает, что ветреность в любви – не порок. Один свой фильм он назвал «Мужчина и женщина 20 лет спустя», зная, что так не бывает, что и двадцать, и сто лет спустя те самые М и Ж, которые пишутся ультимативными заглавными, все те же. И в случае с кинематографом главное – понять то, к чему пришла к финалу своей бурной жизни рыжеволосая Ильва: нужно иметь смелость любить. Впрочем, фильм с таким названием Лелуш уже тоже снял.

Ольга Артемьева

Olga Artemieva

ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

Конкурс Коул (Cole) / Реж. Карл Бессаи

Местом действия малобюджетной независимой драмы Карла Бессаи по сценарию Эдама Занга становится маленький городок, окруженный сказочным горным пейзажем – бывшая арена «золотой лихорадки», еще сохранившая патриархальность былых времен, но стремительно принимающая облик современного мультикультурного поселения. Режиссер, он же оператор, превращает пейзаж в полноценного участника действия – природная замкнутость канадского городка Литтон конден-

сирует, доводит до высшей точки напряженности отношений между персонажами, задышающимися от невыносимой клаустрофобии. Коул Чэмберс – молодой парень, мечтающий стать писателем и однажды вырваться за пределы горного хребта, отделяющего Литтон от внешнего мира. Ради этого он записывается на курсы писательского мастерства в университете, до которого три часа езды на изрядно потрепанном грузовичке. Здесь он встречает девушку – темнокожую Серафину, с которой у него случается такая редкая вещь, как «любовь с первого взгляда». Для обоих университетская аудитория становится местом, где они хотя

Мейбеллин, ее темнокожим сыном Рокитом и маленьким ребенком от мужа-неудачника Бобби. Мейбеллин тянет на себе семейный воз, обслуживая бензоколонку, и терпит издевательства от мужа. Коул по мере сил помогает ей. В жизни Серафины все, на первый взгляд, благополучно – она живет с родителями в шикарном доме и ни в чем не нуждается, но ей приходится мириться с неустанной опекой уважаемого отца и матери-пуританки. Свои проблемы Коул и Серафина выплескивают на бумагу, и творческий импульс сближает их.

Сюжет фильма складывается из, казалось бы, незначительных житейских событий, и, кажется, вот-вот обернется трагедией. Но хитроумно закрученный (и отчасти автобиографический) сценарий дебютанта Эдама Занга подводит к ней персонажей совсем не так, как можно было бы ожидать – так же, как и основной

конфликт картины рождается не на той почве, которая уже порядком исхожена мировым кинематографом. Но главное – подводя героя к выбору между надеждой и отчаянием, авторы выбирают для него тот финал, который оставляет редкое по нынешним временам светлое чувство.

Нина Цыркун

НЕБЫВАЛЬЩИНА

8 ½ ФИЛЬМОВ Символ (Shinboru) / Реж. Хитоси Мацумото

В фильме Хитоси Мацумото два сюжета движутся вровень и порознь, не только не сплетаясь, но даже не задевая друг друга в зоне видимости. Разбитый внедорожник с разбитной монашкой в черных очках и с сигаретой в зубах прикатит из горной дали по ухабистой пыльной дороге, чтоб подбросить невезучего мужика в зеленой маске (монашке он ближайшая родня) к месту боя без правил. Там маска сцепится на арене со своим внушительным соперником, под улюлюканье зрителей и на глазах у сына, которого дед после школы приведет поглазеть на отцову драчку. Едва втянувшись в вольно и жарко дышащую историю из полунисей мексиканской жизни, вы очень скоро будете вышвырнуты из нее вон не только переломленным через колено ритмом, но всей совокупностью открывшихся новых обстоятельств. Мордастый японец в цветастой пижаме проснется в стерильно белоснежном и безнадежно замкнутом пространстве, из которого станет отчаянно искать выход. Нажав на образовавшуюся в стене кнопку, подозрительно по-

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Конкурс Выброшенный на берег моря (Denizden Gelen) / Реж. Несли Чольгечен

Зеленые волны накатывают на экран, бьют прямоком в глаза и в уши. Такое нехитрое развлечение – подставлять лицо прибою – атрибут счастливого детства сына рыбака на Средиземном море. А может, и не очень счастливого. А может, этот сын давно вырос в киногероя, в прямом и переносном смысле (в обаятельного «плохого полицейского», доброго внутри и голливудского снаружи), но не все счеты с детством еще сведены.

Зеленое море, белый песок, проворные черепахи, которых можно кормить прямо с лодки. Изобильные рынки, сувенирные лавочки, сладкая музыка – этот фильм мог бы служить визитной карточкой курортной Турции. На расслабленный лад поначалу настраивает и кажущаяся лимонадная легкость сюжета. Халиль защищает от домогательства красавицу-медсестру, та посвящает его в свои душевные тайны, и вместе они выхаживают чернокожего мальчика лет пяти, мать которого утонула, а сам он остался жив лишь чудом. Но подозрения, что нас ждет хэппи-энд, не оправдываются, история в какой-то момент приобретает горький привкус – это и неизбежно при чеховской коллизии из «Палаты № 6», когда герой, начав сомневаться в верности господствующих истин, незаметно для себя оказывается врагом системы и – в современном прочтении – человеком, на которого открыта охота.

Здесь интересна проблема «старой» и «новой» Турции. Дискуссии о Европе, о мигрантах, по большому счету – о «европейских ценностях», звучат с экрана так яростно, что трудно усомниться в том,

насколько болезненна эта тема для страны, оказавшейся «предбанником» единой Европы. Спорят в парикмахерских и на рынках: «от них одни проблемы», «они становятся богатыми за наш счет». В этой ситуации хороши в картине «старые» турки, которые вообще не понимают, зачем все эти перемены и унижения перед Старым Светом. Они хотят жить, как жили, по своим законам. Особенно колоритен отец Халиля – пузатый, усатый, в каких-то шароварах, свирепый сквернослов, гоняющий жену, он до смешного напоминает Тараса Бульбу, и так и ждешь, что в разговоре с сыном неизбежно прозвучит: «А поворотись-ка, сынку, экий ты смешной стал». Они действительно разговаривают на разных языках и не похожи друг на друга, как люди разных эпох и даже континентов: ухоженный, одетый с иголки Халиль с тщатель-

но взлелеянной щетиной, конечно, считает себя европейцем.

Тема, которую создатели фильма выводят здесь на первый план, не то чтобы нова, но и значимости своей явно не потеряет еще долго. Интересно наблюдать все это в целом: глобальные «магнитные» процессы, когда все тянется к Европе, и Турция, которую в ЕС не пускают, должна еще и отлавливать африканских нелегальных мигрантов – для европейского спокойствия. Лодки с беженцами тонут, многих спасают, но они снова кидаются к морю. Так – повинувшись неведомым нам «магнитным» процессам – выбрасываются на сушу киты, а если их удастся оттащить живыми обратно на глубину, все равно зачем-то выбрасываются вновь.

Игорь Савельев

хожую на взбухший младенческий penis, он к собственному ужасу мгновенно наводнит пространство обладателями аналогичных приборчиков – обесцвеченными купидонами. Дальнейшие поиски путей избавления из белой-белой тюрьмы или хотя бы ключа от несуществующей двери ознаменуются поочередным явлением розовой зубной щетки, громкоговорителя,

абориген по типу Пятницы, который положен всякому Робинзону, какое бы обличье ни принял его необитаемый остров. Так они и будут чередоваться – фрагменты снятой под документ латиноамериканской истории про мужское воспитание и театрализованной японской причуды на тему мужского бессилия. Впрочем, предположительно обозначая подобным образом смыслы обеих коллизий и авторских намерений, я делаю первые шаги по скользкой дорожке, на которую меня обеими руками выталкивает японский пересмешник и провокатор Мацумото. «Осторожно, провокация!» – предвещают обычно в серьезных случаях. Но здесь иной случай, и ошибочные действия, связанные с раскопками смыслов якобы глубокого залегания, чреватые не бедой, а смехотворным положением, в которое поставит себя каждый умствующий интерпретатор. Именно над отказом от чистого удовольствия в пользу бесплодного начетничества, над сухой страстью к механическому извлечению символов как изюма из булки, над строительством концеп-

тов на глиняных ногах и издевается Мацумото. Вбрасывая в свою белую-белую комнату, как на экран, карликовые фаллические символы, без которых никуда, вперемешку с многозначительно иссохшими тарковскими деревьями и средствами для прочистки унитазов. Я бы с удовольствием объявил несчастного

японца в белой комнате проекцией растерянного кинокритика, занятого поиском несуществующих ключей, если б не понимал, что этим невинным предположением тут же поставлю себя в глупое положение. Так что пусть уж японец остается японцем в цветастой пижаме и никем больше.

Дмитрий Савельев

глиняного кувшина, высохшего дерева, горки суши и палочек для их поедания, подушки, 3d-очков, вантуза etc. Наступит даже момент, когда из стены шагнет шоколадный

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ... ВОСЕМЬ

Клод Шаброль. 8 из 71

В свои 80 лет – а столько исполняется классику французского кино именно в дни Московского фестиваля, 24 июня, – он успел создать так много, словно очень спешил сделать свою жизнь максимально насыщенной и плотной.

Будучи сыном фармацевта, он оставил филологические штудии в Сорбонне ради обожаемого им кинематографа. С 1953 года он активно сотрудничает в созданном Андре Базеном журнале «Кайе дю синема», на страницах которого неоднократно провозглашал свои пристрастия к американскому кино, в частности, к криминальному жанру. Эта любовь вылилась в написанную им совместно с Эриком Ромером и изданную в 1957 году книгу об Альфреде Хичкоке.

Но не в меньшей степени «Кайе дю синема» стали в мировом кино рупо-

конечно же, Клода Шаброля оказалась ее правофланговыми сначала как кинокритики, затем и как постановщики.

Про шабролевский дебют «Красавчик Серж» (1958) в свое время не без ехидства говорили, что он был снят на приданое жены режиссера в тридцать миллионов старых франков. Так ведь не всякий вложит свое состояние в постановку собственного дебютного фильма! А Шаброль вложил и не прогадал, сняв за последние шесть десятков лет свыше семидесяти фильмов и сделав себе на них весомое имя.

Он с блеском подтвердил репутацию универсала в кино, которому подвластны едва ли не все жанры. Об этом свидетельствует и пусть далеко не полная, зато репрезентативная мини-ретроспектива творчества режиссера длиной в 45 лет!

В ретроспективу вошли восемь

ром зарождающейся французской «новой волны», и молодые генераторы идей в лице Жана-Люка Годара, Франсуа Трюффо, Жака Риветта и,

фильмов – «На двойной оборот ключа» (1959), «Милашки» (1959), «Мясник» (1970), «Невинные с грязными руками» (1975), «Ад» (1994), «Церемония»

(1995), «В сердце лжи» (1999) и «Цветок зла» (2003). Какие бы разными они ни были, авторская эволюция в них просматривается весьма убедительно. Антибуржуазность «новой волны» была заявлена едва ли не декларативно с первых шагов. Отмежевание от идейных ценностей старшего поколения, презрение к «папочкиному кино», неприятие устоявшейся стабильности мира, в целом, так или иначе отличали и «Четыреста ударов» (которые правильнее было бы назвать по-русски «Тридцатью тремя несчастьями») Франсуа Трюффо, и «На последнем дыхании» Жана-Люка Годара, где Шаброль был техническим консультантом, его собственные ранние фильмы – еще черно-белые. Позднее к антибуржуазности у Шаброля прибавится не менее сильная нелюбовь к плембу, и она будет по-своему доминировать уже в цветных лентах режиссера – от «Мясника» до «Церемонии». Эта тотальная ненависть к реальным или

мнимым хозяевам жизни выливается у режиссера позднего периода творчества в нескрываемую мизантропию как обобщенный портрет человечества на рубеже веков, в начале нового тысячелетия, какими бы локальными сюжетами ни оперировал он сам как художник.

Немногим его современникам и соратникам по искусству свойствен столь нелицеприятный взгляд на нынешнюю картину мира. Но за себя говорят названия поздних работ режиссера – «Ад», «В сердце лжи», «Цветок зла».

Чуждый всякого утешительства, Клод Шаброль последовательно ведет свою линию. Как бы он порой ни отклонялся от нее, он мог бы о себе сказать словами Бориса Пастернака, посвященными... Ленину: «Он гнул свое...» Если бы эти слова попались на глаза юбиляру, и он примерил бы их на себя...

Валерий Босенко

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Война! Четыре дня Неаполя (Le quattro giornate di Napoli) / Реж. Нанни Лой

Для Нанни Лоя, выпускника Римского Экспериментального киноцентра, который режиссер закончил в годы расцвета неореализма, этот фильм стал лебединой песней, несмотря на то, что за сорок лет работы в кино он поставил более двадцати фильмов: фактически вся история послевоенного итальянского кинематографа второй половины XX века разворачивалась при активном участии этого режиссера.

Особенно много Нанни Лой работал в переломные моменты национальной истории. После заката молодежной контестации и в годы апогея итальянского политического кино на рубеже 1960-1970-х годов он снимает фильм «Задержанный в ожидании суда» – разоблачительный документ о столь же пенитенциарной, сколь и бюрократической системе в сфере юриспруденции Италии. Стоило же политическому кино утратить свою актуальность и коммерциализироваться, он тут же ставит комедию с участием

ВСЕ ПЕСНИ ТОЛЬКО О ЛЮБВИ

Перспективы Постельные сцены (Bedways) / Реж. РП Каль

Начинающий режиссер Нина хочет снять кино про секс – и чтобы все было не как в дурном американском кино, но и не как в качественной немецкой порнухе – то есть натурально, но высокохудожественно. С целью проведения кастинга она зовет к себе домой двоих знакомых актеров – Ганса и Мари, и они втроем бросаются с энтузиазмом претворять в жизнь экспериментальный авторский замысел. Так как речь все-таки идет не о постановке Теннесси Уильямса, театральные и любые другие паузы по ходу дела не приветствуются.

Про людей, профессионально

изучающих мат, говорят, что сами они им не ругаются – они на нем разговаривают. Так же, в общем, бывает с сексом – некоторые люди обладают врожденным талантом и не столько заниматься, сколько посредством одного общаться. К таланту, впрочем, бонусом идет приписка мелким шрифтом: все прочие альтернативы технологии общения в подобных случаях можно смело выбрасывать в мусорную корзину. Эту благодатную почву кинематограф окучивает не первый год, по большей части склоняя зрителя к гуманистической трактовке вопроса – то есть вроде бы люди, не

способные иначе выразить накопившиеся у них эмоции, пускаясь в эротические тяжкие, учатся их выражать таким образом и пр. У героев фильма РП Калья тоже, очевидно, много чего накопилось, но по большей части режиссер гнет здесь все же другую линию – тоже не последнюю в реестре актуальных сюжетов европейского авторского кино. Ответственность за то, что трое героев заигрались в свои эротические «забавные игры», авторы недвусмысленно возлагают на вуайеристскую сущность кинематографа – на полустершуюся грань, которая разделяет понятия «смотреть» и «подглядывать». Идею свою Каль аранжируют почти так же бескомпромиссно, как его героиня-экспериментаторша: стальным блеском цифровой картинки и агрессивным саундтреком, бьющим по нервным рецепторам в случае, если откровенные картинки не шокируют откровенностью. Для финала к тому же режиссер прибегает к ультимативному выходу своей главной героини один на один со

зрителем – в процессе вдохновенной мастурбации. Не сказать, что бы это была самая очевидная форма диалога с аудиторией, но, чего уж там – исключительно доходчивая.

Ольга Артемьева

Паоло Вилладжо «Наведу порядок в Америке и вернусь».

В 1960-е годы, в период расцвета в стране нового кино, он снимает фильмы «Сделано в Италии» и «Отец семейства», которые жанрово примыкали к «комедии по-итальянски», а тематически отражали последствия национального «бума», так называемого «итальянского экономического чуда». Горькой комедией о высадке союзников на Сицилии в 1943 году стал фильм «Розолино Патерно, солдат» с участием любимого актера Нанни Лоя, Нино Манфредди.

Однако вершиной в творчестве постановщика можно считать именно героическую драму «Четыре дня Неаполя», посвященную антифашистскому Сопротивлению горожан, когда, начиная с 28 сентября 1943 года, все население города выступило против нацистских оккупантов и в течение четырех дней держало оборону в ожидании подступавших с Юга союзников. Лою удалось органично совместить в фильме участие в нем итальянских и зарубежных актеров Жаня Сореля, Леи Массари, Джана-Марии Волонте, Жоржа Вильсона, а также жителей Неаполя, их современников. Актерский состав фильма по-

лучился столь органичным, что, порой, в эпизодической роли можно не узнать известного актера, а в безвестном статисте предположить профессионального исполнителя. Именно такой аутентичности добивался Нанни Лой от экранных участников фильма.

Определенная драматургическая дробность, которая останется свойственной и некоторым последующим картинам режиссера, здесь оказывается оправданной сюжетом микродраматургией – необходимым сцепляющим элементом для действия. Пятеро литераторов, сценаристов фильма – Карло Бернари, Паскуале Феста Кампанале, Массимо Франчоза, Васко Пратолини и сам Нанни Лой – постарались придать киноповествованию цельность. А оператор Марчелло Гатти с удивительной точностью стилизовал изображение под антивоенные неореалистические ленты 1940-х годов. Современники справедливо сочли ленту Нанни Лоя «фильмом-хоралом», произведением могучего эпического дыхания, в котором итогом усилий очень разных творческих индивидуальностей стал выдающийся художественный результат.

Валерий Босенко

COLE

Competition Dir. Carl Bessai

Director Carl Bessai and writer Adam Zang set the narrative of their low-budget indie flick in the Canadian township surrounded with fairy blue mountains. The former arena of gold rush, still reserving the patriarchal traditions is nevertheless rapidly changing into contemporary multicultural settlement, concentration of the most relevant modern problems. The natural reticence of Lytton makes the movie a sort of laboratory work, utterly condensing tensions among the personages who suffocate in unbearable claustrophobic setting. The director doubling as his own cameraman composes narration, inscribing the sequences in the frame of beautiful but forbidding mountains. Cole Chambers is a young guy, aspiring to become a writer in hope it will someday provide him a pass to the better tomorrow. That's why he studies creative writing at the university within three hours' ride in his awry truck. In class he meets Seraphina, a Black girl who becomes his love from first sight. It is the classroom where for a time being both of them can identify themselves notwithstanding environment. Cole lives with his footloose mother, his sister Maybelline and her sons – teenager Rocket and his little half-brother from another relationship with loser Bobby. Maybelline shoulders the burden of household and runs the family gas station, enduring beating from her wrecked husband. Cole is forced to help at the gas station and also undergoes humiliation, since his writing is considered a stupid whim. As for Seraphina she seems a problem-free girl from a well-to-do middle class family, but as a matter of fact she has her own trouble: severe parental surveillance of solid dad and Puritan mom. Cole and Seraphina vent their problems in writing thus finding the way to each other. Step by step the narration is implacably unrolling, inevitably approaching some unknown disaster. But the debutant writer Adam Zang twirls the story (somehow corresponding with his own life) so whimsically that it bursts out in an absolutely unexpected way – as well as the major conflict concentrates outside the trodden by others paths. But what really makes "Cole" a rare bird on contemporary indie horizon is the choice between hope and despair put up by the filmmakers.

Nina Tsyrukun

BROUGHT BY THE SEA

Competition Dir. Nesli Çölgeçen

Green waves, one after another, roll on the shore, hurting the eyes and ears. This unpretentious entertainment – lying face down in the surf – is part of the happy childhood of a fisherman's son in the Mediterranean. Or perhaps not too happy. Perhaps this son has long ago grown into a film hero in the direct and indirect sense (the enticing "bad cop", good inside and Hollywood-like on the outside), but not all accounts with childhood have been settled.

The green sea, the white sand, the nimble tor-

toises which you can feed from the boat. Abundant markets, souvenir shops, sweet music. This movie could be a poster for touristic Turkey. The seemingly lemonade lightheartedness of the plot adds to the easy-going feeling. Khalil (this is the name of the protagonist) protects the beautiful nurse who is being sexually harassed. The latter lets him in on her secret desires and together they nurse the five-year-old black boy, who miraculously survived while his mother drowned. But expectations of a happy-end do not come true. At some point the story starts filling with bitterness. It is inevitable when you deal with the Chekhovian conflict of the "Ward no. 6" type where the main character allows only the slightest of doubts in the justice of the existing system to crop up, and then imperceptibly turns into the enemy of the system and – in the modern interpretation – becomes a hunted man.

An interesting problem of the new and the old Turks is raised. The on-screen dispute about Europe, migrant workers, in essence about "European values" is so fierce, that it is hard to overlook the painfulness of this problem for a country, which has been turned into an anteroom of the united Europe. They dispute at the hairdresser's and in the marketplace. "They bring nothing but problems". "They grow rich at our expense". The old Turks do not seem to understand the use of all these changes and humiliation before the Old World. They want to go on living as before following their own laws. When Khalil exceeded his professional authority and was subjected to the line-of-duty investigation, they encouraged him: "You were right to shoot", "You must be given an award instead of being put on trial..." Khalil's father is especially picturesque, a fat foul-mouthed guy wearing a moustache and baggy trousers and scolding his wife. His resemblance to Taras Bulba is almost hilarious to the point that you almost expect him to address some of Bulba's phrases to his son. They speak different languages, they are as different as people from different epochs and continents. The

well-groomed, smartly dressed Khalil with carefully grown bristle considers himself a European. Probably that is how the director sees him too. Incidentally, one pays attention to the fact that the protagonist's appearance is not typical for a Turk, his hair is not black.

The problem that the filmmakers brought to the fore is not exactly new, but it won't lose its importance for a long time yet. It is interesting to see it all as a whole – those global "magnetic" processes, when everything is drawn to Europe, and Turkey, which is not allowed into the European Community, and must be catching illegal African migrants for the sake of European peace. Boats with refugees sink, many are saved, but they rush back to the sea. In the same way whales, obeying some unknown "magnetic process", throw themselves on the shore, and if they are returned to the sea alive, they will for some reason throw themselves on the shore again.

Igor Saveliev

SYMBOL

8 ½ Films Dir. Hitoshi Matsumoto

There are two storylines in Hitoshi Matsumoto's movie, that seem to move independently and parallel to each other, they never intertwine or so much as brush against each other within the confines of the visible space.

A battered four-runner with a saucy nun in sunglasses and with a cigarette drives along the bumpy

dusty road from the far-away mountains to take the unperturbed guy in a green mask (he is a close relative of the nun) to the place of ultimate fighting. There the mask will get into a fight with an impressive opponent to the cheers of the crowd and before the eyes of the son whom grandpa will bring there after school to watch daddy fight.

Hardly had you immersed yourself into the frivolous and hot story from the half-starving Mexican life when you are deceived and ejected from it by the jagged rhythm and the newly revealed circumstances related to the time and place of action.

The jowly Japanese in motley pajamas wakes up in a sterile white and hopelessly enclosed space and desperately searches for a way out. He presses the button which has appeared on the wall and looks suspiciously like a baby's bloated penis, and to his horror the room is immediately flooded with owners of similar devices, i.e. by discolored cherubs. The further search for an escape from the utterly white prison or at least for a key to the non-existent door will cause the appearance – in turn – of a pink toothbrush, a loudspeaker, an earthenware pot, a dead tree, a pile of sushi and chopsticks to eat it, a pillow, 3D glasses, a plunger etc.. There will even come a moment when the wall will produce a chocolate native of the Friday type, which every Robinson should have, whatever the look of his desert island.

They will continue alternating, these fragments of the Mexican story about man's education, shot in the documentary style, and bit of the theatrical extravaganza about male powerlessness. On the other hand, when I make such assumptions about both conflicts and the author's intentions, I take the first step along the slippery path to which the Japanese satirist and prankster Matsumoto pushes me with both hands. "Beware, provocation" is the usual warning in serious cases. But this is an altogether different case and erroneous actions related to excavations of allegedly deep meanings are fraught not with trouble but with a hilarious situation in which every high-brow scholar will put himself.

It is precisely this denunciation of pure entertainment for the sake of sterile dogmatism, this dry passion for mechanical extraction of symbols – like raisins from a bun - this erection of concepts on clay legs, that Matsumoto derides when he fills his white room, like a screen, with miniature phallic symbols – there is no getting away from them – together with the significantly withered Tarkovsky's trees and gadgets for cleaning toilet bowls. I would gladly

pronounce the helpless Japanese in the white room a projection of the disoriented film critic, engaged in the search for non-existent clues, if I did not understand that with this innocent assumption will immediately make a fool of myself. So let the Japanese remain a Japanese in the motley pajamas and no one else.

Dmitry Saveliev

CLAUDE CHABROL

8 FROM 71

At 80 – the classic of French cinema is celebrating his anniversary during the Moscow Festival, on the 24th of June – he has managed to do so much as if he wanted to make his life as rich and dense as possible.

The son of a pharmacist, he abandoned his philological studies at the Sorbonne for the sake of his beloved cinema. Since 1953 he started writing for "Cahiers du Cinema", founded by Andre Bazin, pronouncing his predilection for American cinema, in particular for the criminal genre. This love found its expression in a book about Alfred Hitchcock, we he co-wrote with Eric Rohmer and published in 1957. "Cahiers du Cinema" was at the same time the mouthpiece for the nascent French "New Wave" throughout the world and young generators of ideas like Jean-Luc Godard, Francois Truffaut, Jacques Rivette and certainly Claude Chabrol were its front-runners first as film critics and then as directors.

People maliciously said about Chabrol's debut "Le beau Serge" (1958) that he used his wife's dowry of 30 million old Francs to shoot it. Not everyone is ready to invest his fortune even in his own debut movie. Chabrol did and won, having made more than 70 movies in the last six decades and having made a name for himself.

He reaffirmed his reputation as a universal director, who can cope with almost any genre. This is shown by our mini-retrospective, which is by no means exhaustive, but still very representative, spanning over 45 years. It includes eight films "A double tour" (1958), "Les cousins" (1959), "Le boucher" (1970), "Les innocents aux mains sales" (1975), "L'enfer" (1994), "La cérémonie" (1995), "Au coeur du mensonge" (1999) and "La fleur du mal" (2003).

However different they may be, the author's evolution can be traced easily. The anti-bourgeois character of the New Wave was declared from the start. The break-up with the ideological values of the older generation, contempt for "daddy's

cinema", rejection of the established stability of the world as a whole were characteristic for "Les quatre cents coups" by François Truffaut, "À bout de souffle" by Jean-Luc Godard, where Chabrol was technical consultant, and his own black-and-white movies of the turn of the decade. Later on

Chabrol's antibourgeois views will be expanded to include his dislike for common people, it will dominate his color films from "Le boucher" to "La cérémonie". In his later works this total hatred of the real or imaginary masters of life turns into misanthropy as a generalized portrait of humanity at the turn of the century and the beginning of the new millennium, no matter how local the plots of his movies are.

There are a few contemporaries and art colleagues who share this unflattering opinion of the present-day world. The titles of his later movies speak for themselves "L'enfer", "Au coeur du mensonge", "La fleur du mal". Claude Chabrol is averse to any consolation whatsoever and very consistent in his work. He might deviate from the central line, but still the words which Boris Pasternak once said about Lenin "He had it his own way" can be applied to him. If the hero of the day saw these words and tried them on...

Valery Bosenko

BEDWAYS

Perspectives Competition Dir. RP Kahl

A director-debutant Nina wants to make a movie about sex and to make it as realistic and even real as possible. In order to arrange a casting she invites two her friend actors – Hans and Mary, and together they immediately start to turn her experimental plot into reality.

There's a famous statement about people who master swearing professionally, that they themselves don't swear – they just talk like this. The same thing is with sex – some people have a talent not to make it, but to communicate through it. Although the talent has some unpleasant bonus in it – most probably this people just can't communicate in any other way. This topic is highly has been quite popular in cinema of the last decades. And mostly this topic was viewed in humanist context: the people who couldn't for a long time express their feelings learn to finally do it etc. RP Kahl's characters also couldn't express their emotions for some time, but mainly the topic here is different. Authors rest responsibility for the three heroes playing their erotic "funny games" upon cinema with its voyeurism, where it is already hard to understand where simple "looking" ends and starts "peeping". This idea is arranged by Kahl with ultimatism (just as his protagonist Nina does in film) – with steel shine of digital image and aggressive soundtrack which stays in mind, even if erotic scenes don't. There's also an extremely ultimate final scene, where Nina stays alone with a potential viewer – it is notable that it is also a scene of a passionate masturbation. And well, maybe it's not the most obvious way to speak to the audience, but we need to admit that it is extremely clear and straightforward.

Olga Artemieva

THE FOUR DAYS OF NAPLES

Epic Cinema About Great War Dir. Nanni Loy

For Nanni Loy, who graduated from the Rome Centro Sperimentale di Cinematografia at the height of the neorealism movement, this movie was his swan song, though he directed more than 40 films in the course of his 20-year-long career in moviemaking. Virtually the entire post-war history of Italian cinema of the 2nd half of the 20th century unfolded with the active participation of this director.

As a creative personality Nanni Loy invariably became more active at turning points in national history. Following the decline of the youth "contestazione" movement and the peak of Italian political cinema in the late 1960 – early 1970s he made the movie "In Prison Awaiting Trial", denouncing the Italian legal system, which was bureaucratic no less than penitentiary. The moment political cinema lost its topicality and became commercial, he directed the comedy with Paolo Villaggio "Sistemo l'America e torno".

In 1960s at the heyday of New Italian cinema, he directed "Made in Italy", consisting of several comic novellas, and the melodrama "Head of the Family" which stylistically was close to "Italian comedy" and thematically reflected the aftermath of the national "boom", the so-called "Italian economic miracle".

The movie about the landing of allied forces in Sicily in 1943 "Rosolino Paternò, soldato..." with Nino Manfredi, Loy's favourite actor, turned into a bitter comedy. But the outstanding apex in the filmmaker's work was the heroic drama "The Four Days of Naples" about the antifascist resistance movement of the townfolk who on the 28th of September 1943 rose against the Nazi occupation and for four days defended their town awaiting the allied forces, which were approaching from the south.

Nanni Loy achieved an organic blend of the acting of Italian and foreign thespians Jean Sorel, Lea Massari, Gian Maria Volonté, Georges Wilson and of the citizens of Naples, their contemporaries. The ensemble was so organic and genuine that sometimes you fail to recognize a famous actor in a supporting part, or mistake an unknown extra for a prominent actor. This was the authenticity that Nanni Loy demanded from the participants of the project.

A certain dramatic fragmentation, which will

characterize some of the director's later works, in this movie becomes a micro-dramatic device necessary for the plot as a whole, a cementing device necessary for the action. Five writers, who co-wrote the movie, including Carlo Bernari, Pasquale Festa Campanile, Massimo Franciosa, Vasco Pratolini and the director himself, worked hard to make the story a single unity. Marcello Gatti's camera tactfully and accurately stylized the visuals à la anti-war neorealist films of the 1940s. After its release the viewers treated it as a "movie-chorale", a work of powerful epic spirit, where the efforts of different creative personalities gave rise to a harmonious stylistic unity and unquestionable artistic result.

Valery Bosenko

MIFF
DAILY

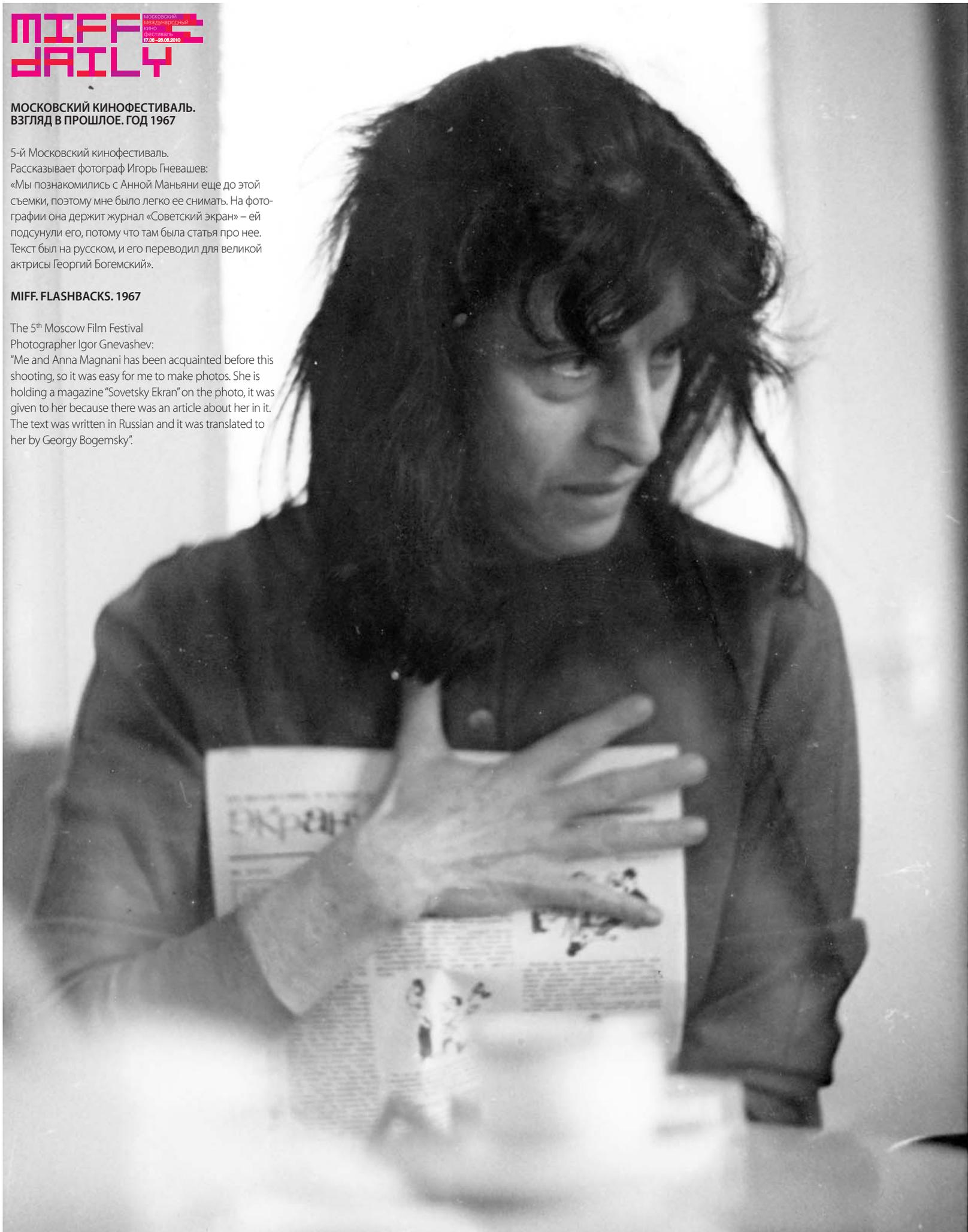
МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
17.06 - 26.06.2016

**МОСКОВСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ.
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ. ГОД 1967**

5-й Московский кинофестиваль.
Рассказывает фотограф Игорь Гневашев:
«Мы познакомились с Анной Маньяни еще до этой
съемки, поэтому мне было легко ее снимать. На фото-
графии она держит журнал «Советский экран» – ей
подсунули его, потому что там была статья про нее.
Текст был на русском, и его переводил для великой
актрисы Георгий Богемский».

MIFF. FLASHBACKS. 1967

The 5th Moscow Film Festival
Photographer Igor Gnevashev:
"Me and Anna Magnani has been acquainted before this
shooting, so it was easy for me to make photos. She is
holding a magazine "Sovetsky Ekran" on the photo, it was
given to her because there was an article about her in it.
The text was written in Russian and it was translated to
her by Georgy Bogemsky".

18 июня / June, 18

9:00*	Беса / Besa	Художественный, 1	106
13:50	Бибинур / Bibinur story	Художественный, 1	98
15:00	Освобождение, части 4,5 / Osvobozhdenie, parts 4,5	Октябрь, 5	161
16:15	Реверс / Rewers	Художественный, 1	99
16:15	Боль / Aci	Октябрь, 9	104
17:00	Выброшенный на берег моря / Denizden Gelen	Октябрь, 1	111
17:00	Балет для двоих / Liang Ge Ren De Baley	Октябрь, 2	90
17:00	Туннель, Заводская девчонка, Игра, Бумага, Разделение, Не забудь меня / The Tunnel, Factory Girl, Igra, Paper, Separation, Forget Me Not	Октябрь, 8	92
18:30	На двойной поворот ключа / A double tour	Октябрь, 4	100
18:30	Черкес / Al Sharakissa	Октябрь, 9	156
18:40	Убийца с камерой / Der Kameramörder	Художественный, 1	95
18:45	Интонация. Валерий Зорькин, Сергей Слонимский / Intonation. Valery Zor'kin, Serguei Slonimsky	Октябрь, 7	93
19:00	Бухта / The Cove	Октябрь, 5	92
19:15	Последняя битва / Le Dernier Combat	Октябрь, 8	96
19:30	Парикмахерша / Die Friseur	Октябрь, 6	106
19:30	Постельные сцены / Bedways	Октябрь, 2	76
19:45	Коул / Cole	Октябрь, 1	100
20:40	Брат / Hermano	Художественный, 1	97
21:00	Неспешная игра / La partita lenta	Октябрь, 7	93
21:00	Согласные на все исправляют мир / The Yes Men Fix the World	Октябрь, 5	87
21:30	Пейте чай на улице / Drink Tea Outside	Октябрь, 11	70
21:30	Табачная дорога / Tobacco Road	Октябрь, 4	84
21:30	Еда и девица / Meshi to Otome	Октябрь, 8	75
22:00	Галерьянки / Galerianki	Октябрь, 6	77
22:00	Путешествие в Метрополис / Die Reise nach Metropolis	Октябрь, 9	52
22:30	Ой, вэй! Мой сын гей!! / Oy Vey! My Son is Gay	Октябрь, 1	90
23:00	Поэзия / Shi	Октябрь, 7	139

19 июня / June, 19

10:00	Гадкий я / DESPICABLE ME	Художественный, 1	75
13:00	Бухта / THE COVE	Октябрь, 5	92
13:45	Вниз по течению / A LA DERIVA	Художественный, 1	80
14:30	Беса / BESA	Октябрь, 1	106

15:00	Согласные на все исправляют мир / THE YES MEN FIX THE WORLD	Октябрь, 5	87
16:00	Постельные сцены / BEDWAYS	Октябрь, 2	76
16:30	Живой! / GJALLÉ!	Октябрь, 6	90
16:30	Перекрестки / SHIZI JIETOU	Октябрь, 10	110
16:40	Евразиец / INDIGÈNE D'EURASIE	Октябрь, 7	107
16:45	Организация сновидений / ORGANIZATION OF DREAMS	Художественный, 1	95
16:50	Символ / SHINBORU	Октябрь, 8	93
17:00	Награда «Дерсу Узала», Дерсу Узала / DERSU UZALA	Октябрь, 9	144
17:00	Брат / HERMANO	Октябрь, 1	97
17:00	Пианомания / PIANOMANIA	Октябрь, 5	93
18:00	Бибинур / BIBINUR	Октябрь, 2	98
18:00	Милашки / LES BONNES FEMMES	Октябрь, 4	104
18:40	Следы на песке / STUPKI V PYASUKA	Художественный, 1	81
18:45	Интонация Арсен Каноков / INTONATION ARSEN KANOKOV , Борис Аверин / INTONATION BORIS AVERIN	Октябрь, 7	75
19:00	День победы / VICTORY DAY	Октябрь, 8	99
19:15	Досон. Заключение №10 / DAWSON, ISLA 10	Октябрь, 6	117
19:30	До востребования / POSTE RESTANTE , Хи-миотерапия / CHEMIA	Октябрь, 5	14, 58
19:30	Убийца с камерой / DER KAMERAMORDER	Октябрь, 1	95
20:00	Солярис / SOLYARIS	Октябрь, 2	180
20:00	Мададайо / MADADAYO	Октябрь, 9	134
20:45	Лурд / LOURDES	Октябрь, 7	99
21:00	Прирожденные убийцы / NATURAL BORN KILLERS	Октябрь, 5	118
21:00	Телохранители и убийцы / SHI YUE WEI CHENG	Художественный, 1	116
21:15	N A S A «A Volta», В реале, Абрикос, Эдип, Пластилин, Ничего / N A S A «A VOLTA», APRICOT, OEDIPUS, PLASTIACINE, NINE DE REIN	Октябрь, 8	90
21:30	Реверс / REWERS	Октябрь, 2	99
21:30	Экспериментальное кино из Бразилии / EXPERIMENTAL CINEMA FROM BRASIL	Октябрь, 11	65
22:00	Дэниэл Эллсберг-самый опасный человек в Америке / THE MOST DANGEROUS MAN IN AMERICA	Октябрь, 5	94
22:00	Поместье / DOMAINE	Октябрь, 6	110
22:30	Концерт / LE CONCERT	Октябрь, 1	119
22:45	Однажды / EKAMATH EKA RATEKA	Октябрь, 9	105
23:00	Обыкновенная история / JAO NOK KRAJOK	Октябрь, 7	82
23:15	Вегитарианка / CHAESIKJUUIJA	Октябрь, 8	111
	Пресс-показы		

32 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
32 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 32 ММКФ / 32 MIFF SPONSORS

